

СМЕНА КОДА И ДОСТИЖЕНИЕ ПОНИМАНИЯ НА СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ

Екатерина Алексеевна Руднева

Санкт-Петербургский государственный университет
11 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
Институт лингвистических исследований РАН
9 Тучков пер., Санкт-Петербург, Россия
katja1985mt@yandex.ru

Екатерина Владимировна Трощенко

Санкт-Петербургский государственный университет
11 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
e.troschenkova@spbu.ru

Аннотация: В статье анализируются фрагменты видеозаписей судебных заседаний на русском языке, где один из участников продемонстрировал непонимание. Основной метод работы с материалом — конверсационный анализ. В фокусе внимания оказывается взаимодействие между специалистами (судьей или адвокатом) и неспециалистами (подсудимым или потерпевшим), а именно функции и механизмы перехода с официального юридического языка на обыденный разговорный и наоборот. Такие переключения трактуются как вариант внутриязыкового перевода, который осмысливается с точки зрения а) языковых аспектов упрощения сложного, б) статусно-ролевых функций участников взаимодействия и условий институциональной коммуникации, в) различия в организации систем профессионального и обыденного знания. Показывается, что специалист в ходе заседания может выяснять истинные намерения собеседника, следить за его реакцией на свою речь, регулируя степень ее официальности, проверять понимание как на более формальном, так и на ментальном уровне, осуществлять подбадривание собеседника-неспециалиста или за него переформулировать сказанное в терминах специального языка. Выявляются стратегии, разной степени сложности и преднамеренности, по восстановлению понимания, которое также может достигаться как на формальном, так и на более глубинном уровне.

Ключевые слова: конверсационный анализ, взаимодействие на судебных заседаниях, юридический дискурс, внутриязыковой перевод, достижение понимания.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

Для ссылок: Руднева Е., Трощенко Е. Смена кода и достижение понимания на судебных заседаниях // Антропологический форум. 2024. № 61. С. 79–105.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-79-105

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/061/rudneva_troschenkova.pdf

---

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2024, NO. 61

CODE-SWITCHING AND ACHIEVING UNDERSTANDING IN COURT SESSIONS

Ekaterina Rudneva

St Petersburg State University
11 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
Institute for Linguistic Studies, RAS
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
katja1985mt@yandex.ru

Ekaterina V. Troshchenkova

St Petersburg State University
11 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
e.troschenkova@spbu.ru

Abstract: The article analyzes extracts from video recordings of court sessions in Russian, where one of the participants demonstrated misunderstanding. The main method of working with the data is conversation analysis. The focus is on the interaction between specialists (a judge or a lawyer) and non-specialists (a defendant or a victim), namely the functions and mechanisms of code switching from official legal language to everyday colloquial language and vice versa. Such code switches are interpreted as a kind of intralingual translation, which is conceptualized in terms of a) linguistic aspects of simplification of the complex information, b) status-role functions of interaction between participants and conditions of institutional communication, c) differences in the way systems of professional and lay knowledge are organized. Through switching between the official and the colloquial codes during the hearing a specialist can accomplish various actions: find out the true intentions of the interlocutor; monitor the interlocutor's reaction to his speech, regulating the degree of its formality; check the achieved degree of consistency; encourage the layman interlocutor or reformulate his words using the legal terms. The analysis reveals a number of strategies of varying degrees of complexity and intentionality for restoring understanding, which can be achieved on a technical or on a deeper level.

Keywords: conversation analysis, courtroom interaction, legal discourse, intralingual interpreting, achieving understanding.

Acknowledgments: The study has been supported by the RSF grant no. 19-18-00525 "Understanding Official Russian: The Legal and Linguistic Issues".

To cite: Rudneva E., Troshchenkova E., 'Smena koda i dostizhenie ponimaniya na sudebnykh zasedaniyakh' [Code-Switching and Achieving Understanding in Court Sessions], *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 61, pp. 79–105.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-79-105

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/061/rudneva_troshchenkova.pdf

Екатерина Руднева, Екатерина Трощенко

Смена кода и достижение понимания на судебных заседаниях

В статье анализируются фрагменты видеозаписей судебных заседаний на русском языке, где один из участников продемонстрировал непонимание. Основной метод работы с материалом — конверсационный анализ. В фокусе внимания оказывается взаимодействие между специалистами (судьей или адвокатом) и неспециалистами (подсудимым или потерпевшим), а именно функции и механизмы перехода с официального юридического языка на обыденный разговорный и наоборот. Такие переключения трактуются как вариант внутриязыкового перевода, который осмысливается с точки зрения а) языковых аспектов упрощения сложного, б) статусно-ролевых функций участников взаимодействия и условий институциональной коммуникации, в) различия в организации систем профессионального и обыденного знания. Показывается, что специалист в ходе заседания может выяснять истинные намерения собеседника, следить за его реакцией на свою речь, регулируя степень ее официальности, проверять понимание как на более формальном, так и на ментальном уровне, осуществлять поощрение собеседника-неспециалиста или за него переформулировать сказанное в терминах специального языка. Выявляются стратегии, разной степени сложности и преднамеренности, по восстановлению понимания, которое также может достигаться как на формальном, так и на более глубинном уровне.

Ключевые слова: конверсационный анализ, взаимодействие на судебных заседаниях, юридический дискурс, внутриязыковой перевод, достижение понимания.

Введение

Идея настоящего исследования сформулирована с опорой на данные предыдущего этапа работы по проекту, когда проводились и анализировались интервью с девятью юристами. Как выяснилось, некоторые из них склонны рассматривать свое взаимодействие с клиентом через призму не только роли «помощника, советника», но и роли «переводчика» [Руднева, Трощенко 2023: 30]. Согласно полученным данным, юристы осознают, что язык юридических документов отличен от того, с которым обычно имеет дело в жизни большинство людей, и что он может вызывать затруднения. Соответственно возникает желание или необходимость передать информацию в форме, более доступной для целевой аудитории.

При этом участники интервью отметили оба направления движения такой смены кода: с одной стороны, от сложного юридического языка к объяснению его содержания клиенту простым бытовым языком и, с другой — обратно, от попытки понять, что нужно клиенту, когда он выражает свои пожелания, используя обороты разговорной речи,

Екатерина Алексеевна Руднева
Санкт-Петербургский
государственный университет /
Институт лингвистических
исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
katja1985mt@yandex.ru

**Екатерина Владимировна
Трощенко**
Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
e.troschenkova@spbu.ru

до переложения этих пожеланий в конкретный, юридически грамотно составленный и оформленный документ.

Я, честно говоря, когда с клиентами общаюсь, тоже иногда заменяю [эти] юридические термины. Я сейчас навскидку не скажу. Но именно, как я говорю, перевожу на бытовой язык <...> нормальная практика, и все практикующие юристы это делают [Руднева, Трощенкова 2023: 31].

И вот я работаю переводчиком: мне мама там скажет свою мысль, так а-ах [размахивая руками], а я это все перепису, мама потом прочитает и говорит: «Ох, как хорошо все изложено: строго, официально и по существу» [Там же: 30].

Интересно, что самоотчеты юристов свидетельствуют о практиках подобного толкования даже для самих себя. Так, на специализированном форуме *Zakon.ru* обнаруживается дискуссия среди юристов, вызванная постом одного из пользователей, который описывает свои методы разбора «мудреных текстов» и просит делиться стратегиями упрощения сложно оформленной информации для самих себя: «А как вы разбираетесь в мудреных текстах? Я вот путем разбора на части, сокращением и наполнения конкретикой. Иногда схемы рисовать приходится»¹. Посты-реакции других пользователей демонстрируют, что некоторые также воспринимают такие стратегии упрощения как последовательность операций по переводу с официального юридического языка на неофициальный разговорный и видят проблему как вопрос смены стилей в зависимости от ситуации.

И, в переводе с юридического на русский, означает, что при цессии можно сразу идти в банкротный суд, не заморачиваясь с первоначальным»².

Алексей, а слово «цессия», конечно, исконно русское)) Так что это, скорее, перевод с юридического нормативного на юридический разговорный»³.

Разговорный стиль речи — это стиль, с помощью которого происходит общение между людьми в неформальной обстановке. Как юрист юристу скажет в неформальной обстановке? Вот потому и «с нормативного на разговорный»⁴.

Таким образом, для представителей юридической профессии смена кода — актуальная проблема, связанная с выполнением

¹ Пост Дениса Бутовичева от 8 февраля 2023 г. в разделе «Судебная практика» <https://zakon.ru/discussion/2023/02/08/a%C2%A0kak_vy_razbiraetes_v_mudryonyh_tekstah_npa>.

² Комментарий Алексея Елаева от 9 февраля 2023 г., 12:22 (Там же).

³ Комментарий Светланы Усольцевой (ответ Алексею Елаеву) от 9 февраля 2023 г., 12:30 (Там же).

⁴ Комментарий Светланы Усольцевой от 9 февраля 2023 г., 15:02 (Там же).

профессиональных функций. Один из участников наших интервью заметил: «А так эта проблема известна. Люди часто не понимают, что им там разъясняют, хотя приходится ставить подпись, что все разъяснили. Есть примеры, где такие подписи ставили лица, которые не говорили на русском языке, а им на русском что-то рассказали и как бы разъяснили, но яснее от этого явно не стало».

Связанные с этой проблемой практики разнообразны и требуют, на наш взгляд, осмысления с точки зрения а) языковых, б) социопсихологических и в) когнитивных процессов. Это позволило бы объяснить смены кода разных типов в рамках единой комплексной теории, в которой принимались бы во внимание соответственно а) стремление к упрощению сложного (в силу как общественного давления и требований сделать юридический язык более понятным и доступным неспециалистам, так и собственного желания специалиста достичь большей понятности и взаимопонимания), б) задачи поддержания статусно-ролевых функций участников коммуникации и соблюдение условий институциональной коммуникации, в) различия в организации систем профессионального и обыденного знания, задействованного в осмыслении происходящего в качестве фонового.

Настоящая статья ограничивается анализом только одного из типов взаимодействия *специалист — неспециалист* и ставит своей целью проанализировать функциональный аспект и механизмы смены кода в ходе судебных заседаний. Таким образом, внимание обращено на когнитивно-языковую процедуру перекодирования, осуществляемую в специфическом институциональном контексте. Мы предполагаем, что смена кодов в ходе судебного заседания может выполнять различные функции и по-разному сказываться на достижении понимания между его участниками. Именно поэтому смена кода рассматривается как составляющая более комплексного процесса внутриязыкового перевода. Согласно антропологической перспективе перевод как деятельность мыслится нами шире, нежели исключительно коммуникативная практика или семиотический процесс, позволяющий *реконтекстуализировать* высказывания, сделанные в рамках одной семиотической системы, передавая их средствами другой [Gal 2015: 225–226]. Собственно перекодирование как смена одной семиотической системы другой — это финальный этап перевода, как правило, предваряемый осмыслением исходного высказывания, его интерпретацией с опорой на имеющиеся знания о мире, среди которых в нашем случае особое значение имеют представления о профессиональных ролевых отношениях, распределении властных полномочий и задачах, стоящих перед участниками судебного заседания. В этом отношении трактовка понятия *перевод* укладывается в отмеченную

А.Г. Минченковым современную тенденцию «рассматривать перевод прежде всего как эвристический процесс речемыслительной деятельности, осуществляемой переводчиком в определенном социокультурном контексте» [Минченков 2008: 4]. Кроме того, полученные результаты относительно взаимодействия в суде вносят вклад и в разработку более общей концепции, объясняющей разнообразные ситуации смены кода, в которых оказывается юрист во время профессиональной деятельности.

Концепция внутриязыкового перевода для объяснения смены кода на судебных заседаниях

Использование самими представителями профессионального сообщества понятия *перевод* подталкивает к тому, чтобы обратиться к соответствующей научной концепции. С точки зрения антропологии перевод представляет собой вариант перекодирования из одной системы (языка, категорий или практик) в другую. Этот процесс оказывается в фокусе не только отдельных работ, но и целого направления [Tihanyi 2004], однако в более широком смысле любое антропологическое исследование можно представить как перевод с языка сообщества на академический. Как отмечает Е.А. Хонинева, «в антропологической перспективе сходства и различия между источником и “репликой” рассматриваются не как фиксированные и объективно оцениваемые данные, лежащие в области пропозиционального содержания, но как предмет рефлексии, обсуждения и договоренностей представителей изучаемых культур» [Хонинева 2022: 128]. Кроме того, С. Гал обращает внимание на то, что сами практики перевода вовлечены в создание границ и иерархических отношений между языками [Gal 2015: 227–229].

В нашем исследовании речь идет о таком варианте перевода, который Р.О. Якобсон называл *внутриязыковым*. Через его призму мы предлагаем рассматривать и проблему упрощения сложных юридических текстов, и проблему юридически грамотного изложения мысли, изначально спонтанно и, возможно, более небрежно оформленной разговорным языком. Создатель термина понимал внутриязыковой перевод, или переименование, достаточно широко — как интерпретацию вербальных знаков с помощью других знаков того же языка [Якобсон 1978: 16].

Нам представляется логичным отнести к вариантам внутриязыкового перевода и смену функциональных стилей¹. Так,

---

¹ В англоязычной традиции обычно речь идет о регистрах и используется термин *enregisterment* ‘отнесение к определенному регистру’ [Agha 2005; Gal 2015: 230–231], который представляется менее удобным в связи с уже сложившейся отечественной традицией говорить о функциональных стилях.

Л.Л. Нелюбин определяет внутриязыковой перевод в том числе как «перекодирование текста из одного функционального стиля, из одного жанра в другой, пересказ на том же языке, изложение, адаптация текста и т.д.» [Нелюбин 2013: 9]¹. Цель такого внутриязыкового перевода в достижении понимания одних участников общения другими, притом что они интерпретируют знаки одного и того же языка, но в разной степени владеют подсистемами этого языка. Тогда те участники общения, которые достаточно компетентны, чтобы выразить мысль с помощью как одного функционального стиля, так и другого, начинают выступать в роли своеобразных «сурдопереводчиков», уточняя и проясняя сказанное: «Происходит не просто обмен мнениями, а замена одной мысли через другую, то более простую, то более сложную, т.е. происходит своего рода перевод, перевод-пересказ в кодах одной и той же знаковой системы» [Там же: 20]. Именно такая смена кодов в одном синхронно взятом языке, как представляется, релевантна для обсуждения коммуникативных взаимодействий юристов с неспециалистами по профессиональным вопросам и объяснения случаев саморефлексии при попытке упростить для самого себя сложные юридические тексты.

Следует учесть, что подобные коммуникативные действия можно рассматривать и в контексте усилий по *популяризации специального знания*. С одной точки зрения, попытка представить специальное знание в более доступной для широкой аудитории форме есть перенос и трансформация дискурса в тексты, оторванные от тех социальных взаимодействий, в которых этот дискурс изначально порождался [Sarangi 1998: 307]. Для объяснения этих процессов используется термин *реконтекстуализация*, т.е. помещение чего-либо в новый контекст или создание нового контекста для старой информации [Ciaruscio 2003: 210]. При этом подчеркивается, что популяризация специального знания предполагает не изменение плана содержания, а лишь трансформацию того языкового оформления, которое окажется более подходящим для новой целевой аудитории: популяризованная информация с лингвистической точки зрения как раз передается способом, аналогичным внутриязыковому переводу [Ciaruscio 2003: 209–210; Gotti 2014: 16]. Согласно другой точке зрения, «понятие популяризации выходит за рамки формы внутриязыкового перевода, когда специализированный язык переносится на упрощенный» [Anesa 2016: 73]. О популяриза-

¹ Отметим, что ряд исследователей понимают внутриязыковой перевод уже. Так, А.А. Стрельцов отмечает: то, что часто называют просто внутриязыковым переводом, т.е. «передачу средствами современного языка оригинального текста, написанного на языке другой исторической эпохи» [Стрельцов 2021: 293], следует рассматривать как диахронический внутриязыковой перевод, — и противопоставляет ему синхронический внутриязыковой перевод.

ции можно говорить как о форме создания нового типа дискурса, где специализированный язык используется по-другому в соответствии с новым набором участников, новой обстановкой, целями и правилами общения, порождая тем самым новые культурно и исторически обусловленные смыслы [Anesa 2016: 73]. В результате речь идет о трансформации специализированного знания в «повседневное» или «обыденное» знание, где популяризирующий специальное знание дискурс формулируется таким образом, чтобы неспециалисты, которые ранее не могли его использовать, оказались способны построить для себя доступную версию такого специализированного знания и интегрировать его с другими обыденными знаниями [Calsamiglia, van Dijk 2004: 370].

Таким образом, даже если мы будем учитывать видение популяризации как трансформации самих знаний (а не просто изменения языковой формы их подачи при взгляде на перевод с позиций эквивалентности по В.Н. Комиссарову [Комиссаров 2002: 116–134]), можно обоснованно полагать, что такие процессы вполне укладываются в понимание внутриязыкового перевода. Термин *популяризация* в отношении работы со сложными юридическими текстами для наших целей представляется менее удачным по сравнению с термином *перевод* и по следующей причине. Популяризация со всей очевидностью предполагает однонаправленное движение от специализированного к обыденному знанию, в то время как приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что юристы в своей деятельности сталкиваются с необходимостью двустороннего перевода, как со специализированного юридического языка на обыденный, так и с обыденного на специальный юридический.

Однако рассуждения о популяризации специализированного знания высвечивают существенный момент: перекодирование не только связано со сменой «вербальной упаковки» информации, но и требует от того, кто это делает, учета разницы организации самих систем знаний специалиста и неспециалиста, т.е. переключения своего ракурса с профессионального на обыденный. Эту разницу отмечают и лингвистические антропологи, в частности Ч. Гудвин, разбирая, как и через какие практики профессиональные сообщества особым образом интерпретируют явления и предметы, создают их классификации и репрезентации [Goodwin 2018: 407–428]. Это также значимо для трактовки смены кода именно в рамках концепции перевода — в противовес подходу к переключению кода (*code-switching*) в исследованиях билингвизма. В ситуации, когда возможность переключаться между языковыми системами по тем или иным причинам облегчает индивиду формули-

рование мысли при движении от внутренней речи к ее внешнему оформлению, речь не идет о бессознательном¹. Для рассматриваемых случаев, равно как и тех, которые были описаны во введении, когда юрист переписывает юридический текст для самого себя, чтобы лучше уяснить его суть, важно следующее. Переключение от сложного юридического языка к бытовому — целенаправленный процесс, в котором сама передача смысла иными словами — лишь финальная стадия более комплексного процесса. Он включает осмысление исходного текста, ориентацию на ситуацию, ролевые ожидания и представления о системе знаний собеседника, оценивание исходного кода и кода перевода с точки зрения их уместности в данном контексте.

Стратегии смены кода

Как видно из примеров интервью и саморефлексии на специализированных форумах юристов, смена официального профессионального кода на общеупотребительный бытовой может происходить в различных обстоятельствах и по разным причинам. В упомянутых выше случаях такое перекодирование возможно а) как в автокоммуникации, так и в диалогах с клиентом, б) в направлении от официального специализированного языка к общеупотребительному и обратно. Помимо этого, можно предположить, что значительную роль при смене кода в общении с Другим играют обстоятельства взаимодействия: публичное общение в официальной обстановке / общение с глазу на глаз с клиентом в рамках профессиональной консультации / профессиональная помощь неспециалисту вне рамок официальных обязательств (например, помощь родственнику в создании официального документа). Очевидно, что в зависимости от набора указанных обстоятельств коммуникативные стратегии могут значительно различаться.

Любая коммуникативная стратегия зависит в первую очередь от цели общения, а также от участников и обстоятельств. Стратегия, согласно определениям [van Dijk 1984: 115; Иссерс

¹ Возможна и другая трактовка переключения кода, когда два языка, вступающие в контакт, изучаются как единая система. В рамках такой модели человек либо использует два языка попеременно, либо вставляет элементы одного языка в другой, создавая текст, содержащий элементы обоих языков [Lanstyák, Heltai 2012: 101–102]. В случае же перевода создаются два параллельных текста с одинаковым содержанием, причем смешение двух языков не предполагается. Двуязычная коммуникация обычно представляет собой независимое производство текста, т.е. говорящий / пишущий выражает собственные мысли, а перевод представляет собой межъязыковое интерпретативное использование, зависимое производство текста [Heitai 2016: 141]. Однако в случае внутриязыкового перевода, когда говорящий при необходимости переключается с одной подсистемы языка на другую, оказывается крайне сложно провести грань между независимым и интерпретативным использованием текста. Соответственно по этому параметру билингвальное переключение и внутриязыковой перевод становятся фактически неразличимы.

2008: 54], это свойство «плана» по последовательному, желателю эффективно и оптимальному достижению некой цели. Коммуникативная стратегия включает планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Однако ряд исследователей употребляет термин *стратегия* для обозначений не только запланированных и преднамеренных действий. Так, П. Браун и С. Левинсон отмечают, что продолжают использовать термин, «несмотря на коннотации с сознательным намерением», потому что не могут придумать другой более подходящий для обозначения как запланированных действий, так и рутинных, у которых «изначальное рациональное происхождение сохранилось в конструкции» [Brown, Levinson 1987: 85]. По замечанию С.А. Сухих, коммуникативная стратегия предполагает, что говорящий действует в соответствии с планом только при волевом поведении, а при импульсивном действия обусловлены установкой [Сухих 1988: 25–29]. Таким образом, можно допустить использование термина *стратегия* и в приложении к не вполне осознанному выбору коммуникативных действий.

Представляется, что в случае устного спонтанного взаимодействия мы далеко не всегда можем судить о преднамеренности и запланированности действий, хотя, учитывая контекст, можно предполагать наличие, с одной стороны, определенных ограничений и обязательств, а с другой — установок. Так, на судебном заседании взаимодействие регламентировано протокольной процедурой, которая включает и вопросы на понимание, требующие обязательного ответа. Вместе с тем можно ожидать, что представители закона в силу своего опыта знают о возможных трудностях других участников и будут стараться облегчить им понимание происходящего в непривычной и стрессовой для них ситуации.

Говорящий осуществляет отбор языковых и неязыковых средств из арсенала потенциально доступных, оценивая их адекватность ситуации общения, отслеживая по ходу их применения реакции других участников взаимодействия и собственную удовлетворенность промежуточными результатами, что актуально и для внутрилингвистического перевода. Стратегия перевода предполагает, как отмечает О.В. Кафискина, «гибкое варьирование методов и техник перевода в пределах выбранных ориентиров и “генеральной линии” перевода, которая в свою очередь определяется множественными факторами, влияющими на репрезентативность перевода: верность передачи фактической стороны оригинала, цели создания текста, тона и стилистических особенностей оригинала, авторское отношение к тексту. <...>

стратегия перевода предполагает поэтапность, а также постоянную сверку своих действий относительно ориентиров, корректировку и модификацию своих переводческих действий» [Кафискина 2017: 6–7].

Таким образом, в первую очередь стоит задаться вопросом, зачем юристу может потребоваться смена кода. В ситуациях смены официального профессионального кода на общепотребительный бытовой в общении с неспециалистом, который, вполне возможно, владеет лишь последним, наиболее вероятная (хоть и не единственно возможная) цель — кооперативное общение и достижение взаимопонимания. При этом изначальный код недоступен собеседнику или затрудняет понимание смысла (как и при межъязыковом переводе, осуществляемом для читателя, плохо или совсем не владеющего исходным языком). Однако, как мы видим, есть случаи, когда юрист переводит сам для себя с юридического на бытовой, а также (как будет показано далее) с бытового на юридический, хотя оба кода доступны ему в равной степени. Если продолжить аналогию с межъязыковым переводом, мы имеем дело с парадоксальной ситуацией, когда равновесный билингв зачем-то переводит для самого себя с одного известного ему языка на другой не менее известный. Очевидно, что в случае со сменой одного функционального стиля на другой должны вступать в игру какие-то прагматические факторы, обуславливающие представление содержания коммуникации в той или иной стилистической форме.

Предположим, что при анализе стратегий внутриязыкового перевода, помимо аспекта доступности и понятности информации, следует обращать особое внимание на характер статусно-ролевых отношений участников коммуникативного взаимодействия. Следуя драматургической концепции личности И. Гофмана, можно допустить, что использование того или иного кода или их переключение могут быть связаны с необходимостью или желанием представить себя другим участникам взаимодействия тем или иным образом. Причем, как отмечает И. Гофман, иногда человек «будет намеренно и осознанно выражать себя определенным образом <...> потому что такого рода выражения вызваны к жизни традицией его группы или его социальным статусом, а не какой-то конкретной реакцией (отличающейся от смутного принятия или одобрения), вероятностно ожидаемой от людей, находящихся под впечатлением от данного самовыражения» [Гофман 2000: 37]. В ситуациях, когда юрист выполняет свои профессиональные обязанности, было бы логично ожидать давления именно со стороны требований обстановки и предписанных процедур.

**Методология исследования:
конверсационный анализ судебных заседаний**

Основным методом работы с материалом выбран конверсационный анализ [Sacks et al. 1974; Schegloff 2007; Корбут 2015], который широко применяется в исследованиях коммуникации в различных институциональных контекстах. Судебные заседания представляют собой прежде всего институциональное взаимодействие, т.е. такое, для которого характерны ориентация на профессиональные цели и задачи, институциональные роли и идентичности, а также определенные ограничения и фреймы, связанные с родом деятельности [Drew, Heritage 1992: 22; Drew, Sorjonen 1997: 94]. В работах по конверсационному анализу отмечается, что взаимодействие на судебных процессах характеризуется особой системой смены очереди [Heritage, Clayman 2010: 200–209]. Кроме того, описываются особенности взаимодействия в более частных коммуникативных ситуациях: допрос свидетеля, где формулировка вопроса адвоката усиливает давление на дающего показания, чтобы тот подтвердил сказанное [Atkinson, Drew 1979: 108–109; Heritage, Clayman 2010: 178]; решение вопроса о признании вины, когда судья выступает посредником между двумя сторонами [Heritage, Clayman 2010: 206–211].

Материалом настоящего исследования стали 15 видеозаписей судебных заседаний из тех, которые доступны на Официальном портале судов общей юрисдикции города Москвы <mos-gorsud.ru> и дублируются в YouTube. Эти судебные процессы состоялись в 2018–2020 гг. и касались в основном уголовных дел, связанных с наркотиками и (по одному случаю) хищением имущества и поджогом автомобиля, а также гражданских дел: уклонения от прохождения службы и взаимоотношений с жилищно-коммунальными организациями. Преимущественно это апелляционные процессы, кроме того, дела рассматривались «в особом порядке», т.е. подсудимый уже признал себя виновным и обсуждалась только мера наказания. Этими обстоятельствами может быть обусловлено относительно небольшое количество прений и споров.

Из просмотренных видеозаписей отобраны и транскрибированы фрагменты, где один из участников демонстрирует непонимание (десять фрагментов, пять из которых анализируются в статье). Заметим, что при конверсационном анализе, который обращается в первую очередь к внешней организации диалога, преобладает техническая трактовка *понимания* (см. обзоры: [Lynch 2011; Mondada 2011]). Понимание рассматривается как результат координации действий участников, который демонстрируется через смену очереди в диалоге, организацию

*поправки*¹ и *примыкающих пар* (типа вопроса и ответа). Поэтому в целом фрагменты отобраны исходя именно из внешней организации. Однако в тех случаях, когда материал позволял это сделать, мы стремились в ходе анализа выйти за рамки такого технического подхода и затронуть ментальный уровень понимания. Например, если человек на суде говорит о том, что понял, можно задаться вопросом, понял ли он на самом деле (если на это так или иначе указывает материал). Кроме того, интересно, важны ли другим участникам процесса понимание и искренность слов о его достижении или для них более актуальны другие аспекты, в частности скорость процесса или соблюдение протокола.

Таким образом, в основе исследования — принципиально качественный подход. Для прояснения обстоятельств дел мы проконсультировались с коллегой-юристом, которому показали отобранные фрагменты судебных процессов.

Анализ материала

Любое судебное заседание включает серию протокольных вопросов подсудимому, причем часть из них, как мы увидим далее, направлена на проверку понимания. Эти вопросы зачастую произносятся быстрее и менее четко, как и зачитывание прав и обязанностей сторон (которое иногда звучит как скороговорка). Это свидетельствует о том, что повторяющаяся процедура, по крайней мере для части участников, носит формальный, можно сказать, ритуальный или перформативный характер (т.е. само произнесение выполняет необходимое действие). Между тем ритуал задавания вопросов в обязательном порядке требует ответов, которые в большинстве случаев (просмотренной подборки) также оформлены кратко и быстро, соответствуя формальным протокольным требованиям. Однако важно отметить, что такая внешняя демонстрация понимания совсем необязательно гарантирует понимание на ментальном уровне (что осознают и юристы, указывая на это в интервью). Иногда подсудимый задает уточняющие вопросы или эксплицитно сообщает о непонимании (см. ниже во фрагменте 1).

Таким образом, участник коммуникации, который в иерархической паре *профессиональный юрист — подсудимый (неюрист)*

¹ Термин *поправка (repair)* (см., например: [Schegloff et al. 1977; Kitzinger 2012]) в области конверсационного анализа используется для описания ситуаций, когда собеседник обращает внимание на возможную проблему в коммуникации, например сомневается, правильно ли расслышал или понял сказанное. Это один из способов достижения взаимопонимания, позволяющий устранить возникший или потенциальный сбой во взаимодействии.

занимает подчиненное положение, может отправить сигнал о возникших затруднениях. Тем самым он запрашивает смену кода, но, в сущности, реальным ее инициатором всегда остается юрист. Именно за юристом в конечном итоге остается выбор, осуществлять ли в сложившейся ситуации внутрилингвистический перевод. Решение о необходимости, уместности / неуместности такого переключения предполагает оценку ситуации общения с опорой на идеалы профессии, на то, как конкретно юристу в данный момент видятся предъявляемые к нему ожидания других участников взаимодействия. Можно предположить, что у профессионала в этом случае больше контроля не только из-за соответствующего статуса в иерархически выстроенной паре, но и потому, что он лучше владеет ситуацией за счет релевантных знаний: о том, что и почему происходит, какие корректировки можно вносить в происходящее и в каком порядке, каковы последствия тех или иных коммуникативных шагов.

Фрагмент 1¹

- 01 С: имеете ли вы ходатайства к суду э подлежащие
 02 разрешению до начала рассмотрения жалобы по существу
 03 то есть ходатайства организационного характера?
 04 (0.7)
 05 П: а ходатайства какого характера?
 06 С: >организационного<
 07 (2.7)
 08 П: не понимаю, что это такое
 09 С: э >ну не касающиеся существа постановленного
 10 приговора вашего, признания вас виновным,
 11 наказания э а приобщения каких-то документов<
 12 о вызове кого-то ну то есть то что нужно сделать до
 13 того как мы перейдем к рассмотрению доводов
 14 жалобы.
 15 П: не (.) такого нет ваша честь (???)

¹ В транскрипции используются следующие обозначения, традиционные для конверсационного анализа (см., например: [Jefferson 2004]):
 [...] — наложение высказываний
 (0.7) — время молчания в секундах
 (.) — слышимая пауза менее 0,2 секунды
 . — нисходящая интонация завершения высказывания
 , — интонация продолжения, перечисления
 ? — интонация вопроса
 организационного — интонационное выделение звуков
 >организационного< — произносится медленнее окружения
 я- — оборванное слово
 ((вздохая)) — невербальные действия
 (???) — неразборчивая речь

Судья (С) задает вопрос о «ходатайствах организационного характера», причем, прежде чем употребить этот термин (3), сначала приводит его развернутое пояснение (1–2), оставаясь пока в рамках официального юридического языка. Объяснение в этом случае содержит дополнительный термин «рассмотрение жалобы по существу» и, вероятно, никак не помогает подсудимому (П) понять, о чем идет речь. Пауза (4) с большой вероятностью свидетельствует о затруднениях подсудимого в понимании всего официального фрагмента, и он не реагирует так, как предполагает процедура (вопрос является частью серии вопросов, на которые положено отвечать оперативно, что в основном и делает П). Вместо этого подсудимый задает уточняющий вопрос (5), на что судья снова называет термин, произнося медленнее и выделяя интонационно (6), как если бы суть затруднений подсудимого состояла лишь в том, что он не слышал сказанное. Однако после еще одной значительной паузы (7) подсудимый эксплицитно сообщает, что не понимает выражение (8) — и дело не в том, что он не слышал, а в том, что ему неясен именно смысл. В ответ судья дает пояснение (9–14), в котором заметна частичная смена кода: несмотря на то что ответ все еще содержит обороты официального юридического языка («не касающиеся существа постановленного приговора», «приобщения каких-то документов», «рассмотрение доводов жалобы»), которые произносятся медленнее и отчетливее, в ответе наблюдаются элементы разговорной речи. Во-первых, появляются прагматические маркеры «ну» (9, 12). Во-вторых, синтаксис больше не соответствует выверенному письменному, меняется порядок слов: «существа постановленного приговора вашего» — определение к приговору в позиции возникает, вероятно, потому, что судья произносит «вашего» как дополнительное пояснение, корректируя структуру фразы по ходу говорения. Стремление разъяснить подсудимому суть сказанного проявляется в том, что судья приводит примеры, иллюстрирующие более общие терминологические выражения: «не касающиеся существа постановленного приговора вашего» — «приговора», «признания вас виновным», «наказания»; «организационного характера» — «приобщение каких-то документов», «вызов кого-то». Таким образом, от гиперонимического уровня намеренно осуществляется переход на уровень номинаций явлений, с которыми неспециалист лучше знаком. Высказывание по мере развертывания до реплики (12–13) «ну, то есть то, что нужно сделать до того, как мы перейдем» все более приобретает черты обыденной речи. Благодаря появлению в речи заполнителей пауз «э», неопределенных местоимений «каких-то», «кого-то», заметно, что говорящему приходится совершать ментальное усилие по изначально незапланированному по процедуре и неподготовленному пере-

кодированию информации в форму, которая более доступна неспециалисту.

Как мы видим, судья моментально реагирует на демонстрацию непонимания, сначала совершая стандартную поправку (произнося слово, которое вызвало вопрос, отчетливее), затем давая пояснения, включающие элементы «перевода» с юридического языка.

Фрагмент 2

- 01 С: по пододу представления прокурора вам понятно
02 о чем просит прокурор? ваше мнение? по поводу его
03 (.) доводов
04 П: да понят
05 С: возражаете не возражаете против удовлетворения
06 (??? претензионного) представления
07 П: не возража
08 (2.4)
09 С: и подскажите пожалуйста вот вы просите
10 перекавалифицировать с части второй статьи двести
11 двадцать восьмой на часть
12 пер[вую]
13 П: [я-]
14 С: статьи двести двадцать восьмой, чем вы
15 руководствуетесь при данной просьбе?
16 П: я- э (0.2) не-немножко неправильно э, как бы понял,
17 когда писал апелляцию о смягчении э, как, сейчас
18 скажу, степени тяжести преступления, то есть э-
19 С: категорию
20 [преступления]
21 П: [и неправильно]
22 С: просите заменить?
23 (0.2)
24 П: да. да оно
25 С: хорошо мы
26 [поняли]
27 П: [квалификацию]
28 Х: что?
29 С: квалификация это немножко не то квалификация
30 это вы просите перекавалифицировать на э при-
31 часть первую значительный размер наркотического
32 средства если если у вас крупное а если вы говорите
33 о том что просите изменить категорию
34 преступления, значит с тяжкого
35 [на средней тяжести]
36 П: [не не да]
37 да да изменить категорию преступления
38 С: вот. значит уточняете свои требования?
39 П: хорошо спасибо

Начало фрагмента — продолжение серии уточняющих формальных вопросов (1–6). Подсудимый дает краткие минимальные ответы, сокращая слова (4, 7). Это свидетельствует о том, что он также воспринимает этот обмен репликами как формальную процедуру. После паузы (8) судья задает вопрос, выбивающийся из стандартной серии (9–12, 14–15). Подсудимый испытывает некоторые затруднения, называя предмет ходатайства, о чем свидетельствуют хезитации (16–18). Он просит соотносить его действия не с предложенной статьей, а с другой. По словам нашего коллеги-юриста, это считается «переквалификацией» (при которой автоматически может измениться и категория совершенного преступления). По-видимому, подсудимый не знает точного значения терминов, но вспоминает слово «квалификация», подходящее по смыслу. Между тем разница в значениях оказывается существенной для данного контекста и судья обязана (или по крайней мере считает, что обязана) прояснить этот момент. Интересно, что хотя подсудимый изначально признает некорректность использованной формулировки (вероятно, он уже до заседания получил какие-то пояснения от адвоката) (16) и дает подтверждающий ответ (24) на переформулировку, осуществленную за него судьей, в следующей реплике он снова повторяет «квалификацию» (27), тем самым обнаруживая, что для него по-прежнему нет разницы между двумя обсуждаемыми терминами. Это демонстрирует такое статусно-ролевое соотношение, при котором подсудимый в любом случае соглашается с позицией вышестоящего. С точки зрения протокольной логики оказывается неважным, понял ли он на самом деле или просто дал формальный подтверждающий ответ. Слово употреблено, с точки зрения юристов — участников процесса, неправильно (на что также указывает вопрос X. — вероятно, адвоката). Поэтому далее судья поправляет подсудимого и дает более развернутое объяснение (29–35). Здесь, как и в предыдущем примере, наблюдается переключение от официального языка к более обыденному: судья так же переходит на уровень конкретных примеров-иллюстраций, призванных сделать более доступным содержание абстрактного термина. Смена кода опять хорошо заметна по элементам спонтанной речи — разговорным выражениям («это немножко не то»), заполнению пауз («э»), незаконченности элементов речи («при-») с перестройкой фразы на ходу говорения, повторам («если если»). После подтверждающей реплики подсудимого следует еще пара реплик сторон, состоящая из уточняющего (проверочного) вопроса и ответа (38–39).

Фрагмент 3

Из видеозаписи мы узнаем подробности дела. Подсудимый, выпускник детского дома со средним образованием, «с целью

наживы, личного обогащения» взял телефон своего знакомого и осуществил с него денежный перевод себе, таким образом «причинив значительный материальный ущерб» в размере 11 000 рублей. После этого он вернул деньги и признал себя виновным, но судебный процесс был уже запущен. В связи с этим дело рассматривается в особом порядке, т.е. подсудимый может обжаловать решение только в части назначенного наказания. Ранее, до приведенного фрагмента, на вопрос «разъяснены ли вам последствия постановления приговора» он отвечает «ну, более или менее... ну, да». В приведенном ниже фрагменте на вопросы судьи отвечает потерпевший.

- 01 С: потерпевший, не имеете возражений против
02 рассмотрения дела в особом порядке?
03 П: ((держит в руке бумагу, двигает рукой,
04 демонстрируя)) у меня (.) в ходатайстве или как оно
05 правильно называется
06 [бумажке]
07 С: [встаньте]
08 П: ((встает)) э извините. из того ну что мы заключили
09 договор. о перемирии.
10 С: мы сейчас э обсуждаем ходатайство подсудимого
11 о рассмотрении дела в особом порядке. вы имеете
12 возражения или нет?
13 (1.7)
14 П: не имею.
15 С: пожалуйста присядьте.

Потерпевший не понял, о чем идет речь, когда его спросили про «рассмотрение дела в особом порядке» (1–2). В ответ он показывает то ходатайство, которое принес с собой (3–6) — можно предположить, что оно волнует его в большей степени. Данный фрагмент демонстрирует столкновение двух стилей — официального и разговорного. Единицы официального языка, юридические термины, настолько непривычны для потерпевшего, что он добавляет «или как оно правильно называется» (4–5) и для надежности поясняет на более привычном языке — «бумажке» (6). Судья в ответ напоминает о том, что нужно встать (7), т.е. о правилах, пытаясь таким образом вернуть разговор в более официальное русло. Далее судья объясняет, что именно является предметом вопроса и спрашивает о наличии возражений (10–12). После паузы, которая может свидетельствовать о том, что суть вопроса осталась для потерпевшего не вполне ясной либо ему требуется значительное время на обработку информации, поданной в непривычной для него языковой форме, он дает ответ «не имею» (14).

Таким образом, здесь можно говорить о непонимании потерпевшим не только конкретных вопросов или терминов, но и ситуации в целом (что нельзя «заключить договор о перемирии», если человек, совершивший кражу, просто отдаст украденное), а также того, о какой «бумажке» сейчас идет речь.

Следующий фрагмент вырезан из той же видеозаписи через несколько минут. Его участники: адвокат (А), подсудимый (Г), потерпевший (П) и судья (С).

Фрагмент 4

- 01 А: фу, имущественный вред, который вы причинили
 02 потерпевший э в общем-то
 03 Г: да
 04 А: возместили?
 05 Г: да
 06 А: а в каком объеме?
 07 Г: одиннадцать тысяч
 08 А: одиннадцать тыщ рублей в связи с этим у меня
 09 вопрос к потерпевшему
 10 С: пожалуйста. встаньте.
 11 А: вам мой, подзащитный Гу-Гусев (???) средства
 12 какие-то возмещал?
 13 П: возместили
 14 А: да возместили. какие-то претензии вы к с-?
 15 П: нет не имею
 16 А: не имеете. а что у вас на руках?
 17 [(???)]
 18 П: [заявление договора как оно там правильно хм
 19 называется я не] ханадательство вроде бы так?
 20 С: ходатайство
 21 А: о чем оно? ((вздыхая))
 22 П: о том что мы примирились сторонами. и что мне
 23 возместили и я ничего против не имею.
 24 С: и что, примирились? и что вы просите в связи
 25 с этим?
 26 П: ну как правильно у вас говорится?
 27 А: ну своими словами
 28 [о чем?]
 29 П: [сократить срок или как там, я не знаю]
 30 С: просите сократить срок наказания подсудимого?
 31 П: ну типа того.
 32 С: понятно

Речь адвоката, хотя и содержит единицы профессионального кода («имущественный вред, который вы причинили», «в каком объеме», «средства», «возмещал», «претензии») и некоторые другие единицы официального стиля («в связи с этим»), также характеризуется наличием разговорных элементов — вздохов (включая вздох-междометие «фу») (1, 21) и незавершенных фраз

(1–2, 14). По этой причине его речь воспринимается эмоционально окрашенной, а не нейтральной, и несколько более близкой по стилю к речи потерпевшего и подсудимого. Аналогичное нивелирование стилевых различий наблюдается и со стороны судьи, одни вопросы которого имеют более разговорную форму: «и что, примирились?» (отчасти потому, что это спонтанный вопрос, в отличие от формальных, стандартных для всех заседаний), а другие сформулированы в более официальном стиле: «и что вы просите в связи с этим?» (24–25).

Среди дискурсивных стратегий можно наблюдать подбадривание: «ну, своими словами» (27). Такого рода инициация смены кода является односторонней и демонстрирует иерархичность статусных отношений между коммуникантами: вышестоящий санкционирует кодовое переключение, разрешая второму участнику использовать более комфортный для него языковой вариант. В реплике (29) «сократить срок или как там, я не знаю» потерпевший провоцирует судью на действие — перевести или подтвердить его слова. В ответ судья корректирует его просьбу, продолжая ее и тем самым оформляя на более официальном языке: «просите сократить срок наказания подсудимого?» Получив утвердительный ответ в разговорной форме (31), судья эксплицитно подтверждает взаимопонимание (32). Еще одна стратегия, которая в этой ситуации оказывается кооперативной, — буквальный повтор реплики подсудимого, через который адвокат подтверждает понимание и правильность (7–8, 13–14, 15–16). Кроме того, потерпевший уточняет название документа, о котором идет речь (18–19) и также получает подтверждение (с корректировкой) от судьи.

Фрагмент 5

- 01 С: стороны имеют право на обжалование решения
02 и определения суда, а также знакомиться
03 с протоколом судебного заседания, в течение пяти
04 дней вносить в него замечания. права понятны?
05 права понятны?
06 П: а пяти дней, рабочих дней? ((кивает)) или?
07 С: календарных
08 П: то есть суббота воскресенье входит?
09 С: ну если это рабочий день то да
10 П: да ((кивает))

Это фрагмент записи заседания по поводу гражданского дела, связанного с жилищно-коммунальными службами, поэтому в целом ответчик находится в более расслабленном состоянии и свободнее вступает в диалог, чем при рассмотрении уголовных дел. Кроме того, судья по его речи в процессе всего заседания,

мы можем говорить о более продвинутой языковой компетенции в сравнении с предыдущими случаями.

Начало фрагмента — продолжение зачитывания прав сторон (1–4), что, как отмечалось, является стандартной протокольной процедурой и, как правило, не имеет отклонений. За вопросом «права понятны?» в большинстве случаев следует краткий утвердительный ответ. Однако здесь обнаруживается сразу два отклонения: во-первых, вопрос повторяется два раза с минимальной паузой в 0,05 секунды. Во-вторых, за этим вопросом идет вставная последовательность с уточняющими вопросами по поводу формулировки (6–9). Интересно, что судья говорит в ответ про пять «календарных» дней, но затем уточняет, что суббота и воскресенье входят в них, если они рабочие. Таким образом, эти две реплики противоречат друг другу. Это может говорить о том, что процедура воспринимается настолько формальной, что даже представители закона перестают вникать в суть формулировок. Еще более показательным, что подсудимый принимает такой ответ, что может быть объяснено опять-таки статусно-ролевым соотношением. Здесь, с одной стороны, подтверждается наше предположение о том, что реализация власти зависит от общей компетентности участников — ответчик чувствует себя увереннее, чем подсудимые в других фрагментах, лучше понимает происходящее и поэтому может настойчивее запрашивать пояснения и смену кода. Однако, с другой стороны, даже в этом случае решение, осуществлять ли смену кода, насколько тщательно подходить к вопросу, сколько времени на это тратить и т.п., остаются за юристом. Ответчик, получив, в сущности, неверный ответ, тем не менее не настаивает на дальнейшем прояснении вопроса.

Заключение

В ходе судебных заседаний наблюдаются случаи перевода со сменой кода в обе стороны, которые обусловлены как требованиями процедуры, так и представлениями специалиста о знаниях собеседника-неспециалиста и степени владения им юридическим языком. В целом представители закона предпринимают усилия, направленные на то, чтобы адаптировать юридический (свой профессиональный) язык, так или иначе реагируя на проявление непонимания — совершением поправки, объяснением или сменой кода. Анализ материала позволил выделить следующие стратегии:

- Собеседник, владеющий обоими кодами (разговорным и юридическим), прибегает к серии вопросов, в том числе наводящих и уточняющих, таким образом выясняя истинное намерение другого коммуниканта, который мог в силу

плохого владения юридическим кодом неверно сформулировать свою мысль.

- Специалист осуществляет мониторинг реакции собеседника на собственную речь, регулируя степень перехода от официального юридического кода к более общедоступному. Такой переход осуществляется через перефразирование, в том числе внутри реплики, смену синтаксиса на более разговорный, включение разговорных элементов речи — оборотов, прагматических маркеров, повышение степени эмоциональности высказываний.
- Регулярно наблюдается пояснение обобщенных понятий через конкретные примеры, позволяющие собеседнику оперировать информацией на уровне, более доступном для неспециалиста. Так, неспециалист может не знать, что входит в понятие «существо постановленного приговора», но он более или менее знаком с такими словами, как «признание виновным», «приговор», «наказание», и тем, что за ними стоит в реальной действительности. В этом случае внутриязыковой перевод, осуществляемый юристом, использует конкретизацию как лексическую трансформацию. Например, судья через перечисление показывает, что может быть включено в ходатайства разных типов, и наталкивает неспециалиста на мысль о том, что ходатайства в принципе бывают разными.
- Специалист осуществляет проверку того, насколько достигнуто понимание, через повтор слов собеседника и дополнительные проверочные реплики.
- Специалист посредством подбадривания типа «ну, своими словами» может позволить собеседнику оставаться в пределах разговорно-бытовой речи и не переключать код. Тем самым собеседнику подается сигнал, что этот «перевод» будет мысленно или эксплицитно осуществлен за него другими участниками-специалистами. В тех случаях, когда перевод в обратную сторону — с бытового на юридический — осуществляется эксплицитно, сказанное неспециалистом переформулируется в специальных терминах в форме, более уместной для протокольной записи.

Человек, владеющий двумя кодами, имеет больше власти (в рассматриваемых примерах это судья или адвокат), соответственно владение обоими кодами совпадает с ролевым распределением. Человек, не владеющий обоими кодами и выступающий в роли подсудимого, имеет меньше власти и механизмов влияния на взаимодействие: он может демонстрировать непонима-

ние, а выбор, реагировать ли на это и как, остается за другими участниками.

Поправка как явление в ходе судебных заседаний имеет комплексный характер и большее разнообразие проявлений в спектре от чисто формального механизма организации диалога до обеспечения взаимопонимания. В некоторых случаях поправка реализуется через переспрос (после инициации другим) и более четкое произнесение с увеличением громкости (самопоправка), в некоторых, как в асимметричном взаимодействии типа учитель — ученик, — через исправление другого или пояснение. Таким образом, на реализацию механизма поправки накладывается ограничение статусно-ролевое соотношение участников.

В целом стратегии специалиста по достижению понимания, наблюдаемые в ходе судебных заседаний, разнообразны и отличаются по ряду параметров. На них можно смотреть, во-первых, с точки зрения готовности осуществлять внутриязыковой перевод в ту или иную сторону, а во-вторых — с позиции того, какой глубины понимания удастся достичь. На одном полюсе этих коммуникативных стратегий учитывается только необходимость следовать протокольной процедуре, которая включает формальную проверку понимания (вопросы типа «вам... понятны?» с обязательной ответной реакцией) и подразумевает использование официального языка, а также юридических терминов. Объясняя эти термины, представители закона имеют возможность ограничиться тем же стилем, практически процитировав юридические определения, т.е. не переключать регистр, которым не владеют в полной мере некоторые участники. Реакция, следующая за таким объяснением или исправлением, может быть также формальной по своей сути и не свидетельствовать о достижении взаимопонимания на ментальном уровне. Представителям правосудия может оказаться достаточно получить лишь формальный ответ-подтверждение для соблюдения процедуры. Имея возможность так действовать, юристы тем не менее иногда ведут себя иначе, применяя описанные стратегии внутриязыкового перевода, позволяющие обеспечивать понимание на более глубинном уровне.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

Библиография

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 302 с.

- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: URSS; ЛКИ, 2008. 288 с.
- Кафискина О.В.* Стратегия перевода как термин переводоведения // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. 2017. № 1. С. 4–19.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение: Учеб. пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
- Корбут А.М.* Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 120–141.
- Минченков А.Г.* Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008. 43 с.
- Нелюбин Л.Л.* Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): Учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта; Наука, 2013. 216 с.
- Руднева Е.А., Троценкова Е.В.* Проблема понятности юридических документов в контексте профессиональной идентичности // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 25–35. doi: 10.17223/15617793/489/3.
- Стрельцов А.А.* Определение статуса внутриязыкового перевода в XXI веке // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Т. 40. № 2. С. 292–300. doi: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-292-300.
- Сухих С.А.* Структура коммуникантов в общении // Сусов И.П. (отв. ред.). Языковое общение: процессы и единицы: Межвуз. сб. науч. трудов. Калинин: КГУ, 1988. С. 22–29.
- Хонинева Е.А.* Семиотические идеологии и духовные практики в современном российском католицизме: антропологические аспекты: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2022. 243 с.
- Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Комиссаров В.Н. (ред.). Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Междунар. отнош., 1978. С. 16–24.
- Agha A.* Voice, Footing, Enregisterment // Linguistic Anthropology. 2005. Vol. 15. No. 1. P. 38–59. doi: 10.1525/jlin.2005.15.1.38.
- Anesa P.* The Deconstruction and Reconstruction of Legal Information in Expert-Lay Online Interaction // Journal of English for Specific Purposes at Tertiary Level. 2016. Vol. 4. No. 1. P. 69–86.
- Atkinson J.M., Drew P.* Order in Court: The Organisation of Verbal Interaction in Judicial Settings. L.: Palgrave Macmillan, 1979. IX+275 p.
- Brown P., Levinson S.C.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. XIV+345 p.
- Calsamiglia H., van Dijk T.A.* Popularization Discourse and Knowledge about the Genome // Discourse & Society. 2004. Vol. 15. No. 4. P. 369–389. doi: 10.1177/0957926504043705.
- Ciapuscio G.E.* Formulation and Reformulation Procedures in Verbal Interactions between Experts and (Semi-)Laypersons // Discourse Studies. 2003. Vol. 5. No. 2. P. 207–233. doi: 10.1177/1461445603005002004.

- Drew P., Heritage J.* Analyzing Talk at Work: An Introduction // Drew P., Heritage J. (eds.). *Talk at Work: Interaction in Institutional Settings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 3–65.
- Drew P., Sorjonen M.-L.* Institutional Dialogues // van Dijk T.A. (ed.). *Discourse as Social Interaction*. L.: Sage, 1997. P. 92–118. (*Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. Vol. 2).
- Gal S.* Politics of Translation // *Annual Review of Anthropology*. 2015. Vol. 44. P. 225–240. doi: 10.1146/annurev-anthro-102214-013806.
- Goodwin Ch.* *Co-operative Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. XXX+526 p. doi: 10.1017/9781139016735.
- Gotti M.* Reformulation and Recontextualization in Popularization Discourse // *Ibérica*. 2014. No. 27. P. 15–34.
- Heitai P.* Transzfer és kódváltás // Gósy M. (szerk.). *Beszédkutatás*. Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 2016. P. 139–150.
- Heritage J., Clayman S.* *Talk in Action: Interactions, Identities, and Institutions*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 320 p.
- Jefferson G.* Glossary of Transcript Symbols with an Introduction // Lerner G.H. (ed.). *Conversation Analysis: Studies from the First Generation*. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 13–31.
- Kitzinger C.* Repair // Sidnell J., Stivers T. (eds.). *The Handbook of Conversation Analysis*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 229–256. doi: 10.1002/9781118325001.ch12.
- Lanstyák I., Heltai P.* Universals in Language Contact and Translation // *Across Languages and Cultures*. 2012. Vol. 13. No. 1. P. 99–122. doi: 10.1556/Acr.13.2012.1.6.
- Lynch M.* Commentary: On Understanding Understanding // *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. No. 2. P. 553–555. doi: 10.1016/j.pragma.2010.08.018.
- Mondada L.* Understanding as an Embodied, Situated and Sequential Achievement in Interaction // *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. No. 2. P. 542–552. doi: 10.1016/j.pragma.2010.08.019.
- Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G.* A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // *Language*. 1974. Vol. 50. No. 4. Part 1. P. 696–735. doi: 10.2307/412243.
- Sarangi S.* Rethinking Recontextualization in Professional Discourse: An Epilogue // *Text & Talk*. 1998. Vol. 18. No. 2. P. 301–318. doi: 10.1515/text.1.1998.18.2.301.
- Schegloff E.A.* *Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Vol. 1. XVI+300 p.
- Schegloff E.A., Jefferson G., Sacks H.* The Preference for Self-Correction in the Organization of Repair in Conversation // *Language*. 1977. Vol. 53. No. 2. P. 361–382. doi: 10.2307/413107.
- Tihanyi C.* An Anthropology of Translation // *American Anthropologist*. 2004. Vol. 106. No. 4. P. 739–742. doi: 10.1525/aa.2004.106.4.739.
- van Dijk T.A.* *Prejudice in Discourse: An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation*. Amsterdam: John Benjamins, 1984. X+172 p.

Code-Switching and Achieving Understanding in Court Sessions

Ekaterina Rudneva

St Petersburg State University
11 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
katja1985mt@yandex.ru

Ekaterina V. Troshchenkova

St Petersburg State University
11 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
e.troschenkova@spbu.ru

The article analyzes extracts from video recordings of court sessions in Russian, where one of the participants demonstrated misunderstanding. The main method of working with the data is conversion analysis. The focus is on the interaction between specialists (a judge or a lawyer) and non-specialists (a defendant or a victim), namely the functions and mechanisms of code switching from official legal language to everyday colloquial language and vice versa. Such code switches are interpreted as a kind of intralingual translation, which is conceptualized in terms of a) linguistic aspects of simplification of the complex information, b) status-role functions of interaction between participants and conditions of institutional communication, c) differences in the way systems of professional and lay knowledge are organized. Through switching between the official and the colloquial codes during the hearing a specialist can accomplish various actions: find out the true intentions of the interlocutor; monitor the interlocutor's reaction to his speech, regulating the degree of its formality; check the achieved degree of consistency; encourage the layman interlocutor or reformulate his words using the legal terms. The analysis reveals a number of strategies of varying degrees of complexity and intentionality for restoring understanding, which can be achieved on a technical or on a deeper level.

Keywords: conversation analysis, courtroom interaction, legal discourse, intralingual interpreting, achieving understanding.

Acknowledgments

The study has been supported by the RSF grant no. 19-18-00525 "Understanding Official Russian: The Legal and Linguistic Issues".

References

- Agha A., 'Voice, Footing, Enregisterment', *Linguistic Anthropology*, 2005, vol. 15, no. 1, pp. 38–59. doi: 10.1525/jlin.2005.15.1.38.
- Anesa P., 'The Deconstruction and Reconstruction of Legal Information in Expert-Lay Online Interaction', *Journal of English for Specific Purposes at Tertiary Level*, 2016, vol. 4, no. 1, pp. 69–86.
- Atkinson J. M., Drew P., *Order in Court: The Organisation of Verbal Interaction in Judicial Settings*. London: Palgrave Macmillan, 1979, IX+275 pp.
- Brown P., Levinson S. C., *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, XIV+345 pp.
- Calsamiglia H., van Dijk T. A., 'Popularization Discourse and Knowledge about the Genome', *Discourse & Society*, 2004, vol. 15, no. 4, pp. 369–389. doi: 10.1177/0957926504043705.
- Ciapuscio G. E., 'Formulation and Reformulation Procedures in Verbal Interactions between Experts and (Semi-)Laypersons', *Discourse Studies*, 2003, vol. 5, no. 2, pp. 207–233. doi: 10.1177/1461445603005002004.
- Drew P., Heritage J., 'Analyzing Talk at Work: An Introduction', Drew P., Heritage J. (eds.), *Talk at Work: Interaction in Institutional Settings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, pp. 3–65.
- Drew P., Sorjonen M.-L., 'Institutional Dialogues', van Dijk T. A. (ed.), *Discourse as Social Interaction*. London: Sage, 1997, pp. 92–118. (Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction, vol. 2).
- Gal S., 'Politics of Translation', *Annual Review of Anthropology*, 2015, vol. 44, pp. 225–240. doi: 10.1146/annurev-anthro-102214-013806.
- Goffman E., *The Presentation of Self in Every Day Life*. Edinburg: The Bateman Press, 1956, 162 pp. (University of Edinburgh, Social Sciences Research Centre. Monographs, no. 2).
- Goodwin Ch., *Co-operative Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, XXX+526 pp. doi: 10.1017/9781139016735.
- Gotti M., 'Reformulation and Recontextualization in Popularization Discourse', *Ibérica*, 2014, no. 27, pp. 15–34.
- Heitai P., 'Transzfer és kódváltás', Gósy M. (szerk.), *Beszédkutatás*. Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 2016, pp. 139–150.
- Heritage J., Clayman S., *Talk in Action: Interactions, Identities, and Institutions*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010, 320 pp.
- Issers O. S., *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. 5th ed. Moscow: URSS; LKI, 2008, 288 pp. (In Russian).
- Jakobson R., 'On Linguistic Aspects of Translation', Brower R. A. (ed.), *On Translation*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1959, pp. 232–239. doi: 10.4159/harvard.9780674731615.c18.
- Jefferson G., 'Glossary of Transcript Symbols with an Introduction', Lerner G. H. (ed.), *Conversation Analysis: Studies from the First Generation*. Amsterdam: John Benjamins, 2004, pp. 13–31.
- Kafiskina O. V., 'Strategiya perevoda kak termin perevodovedeniya' [Translation Strategy as a Term of Translation Studies], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, series 22: *Teoriya perevoda*, 2017, no. 1, pp. 4–19. (In Russian).

- Khonineva E. A., *Semioticheskie ideologii i dukhovnye praktiki v sovremennom rossiyskom katolitsizme: antropologicheskie aspekty* [Semiotic Ideologies and Spiritual Practices in Contemporary Russian Catholicism: Anthropological Aspects]: PhD thesis in history. St Petersburg, 2022, 243 pp. (In Russian).
- Kitzinger C., 'Repair', Sidnell J., Stivers T. (eds.), *The Handbook of Conversation Analysis*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012, pp. 229–256.
doi: 10.1002/9781118325001.ch12.
- Komissarov V. N., *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern Translation Studies]: Tutorial. Moscow: ETS, 2002, 424 pp. (In Russian).
- Korbut A., 'Govorite po ocheredi: netekhnicheskoe vvedenie v konversatsionnyy analiz' [Turn-Talking: Non-Technical Introduction to Conversation Analysis], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2015, vol. 14, no. 1, pp. 120–141. (In Russian).
- Lanstyák I., Heltai P., 'Universals in Language Contact and Translation', *Across Languages and Cultures*, 2012, vol. 13, no. 1, pp. 99–122.
doi: 10.1556/Acr.13.2012.1.6.
- Lynch M., 'Commentary: On Understanding Understanding', *Journal of Pragmatics*, 2011, vol. 43, no. 2, pp. 553–555.
doi: 10.1016/j.pragma.2010.08.018.
- Minchenkov A. G., *Kognitivno-evristicheskaya model perevoda (na materiale angliyskogo yazyka)* [Cognitive-Heuristic Model of Translation (On the Material of English Language)]: Abstract of doctoral thesis in philology. St Petersburg, 2008, 43 pp. (In Russian).
- Mondada L., 'Understanding as an Embodied, Situated and Sequential Achievement in Interaction', *Journal of Pragmatics*, 2011, vol. 43, no. 2, pp. 542–552. doi: 10.1016/j.pragma.2010.08.019.
- Nelyubin L. L., *Vvedenie v tekhniku perevoda (kognitivnyy teoretiko-pragmaticheskii aspekt)* [Introduction to the Technique of Translation (Cognitive Theoretic Pragmatic Aspect)]: A textbook, 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2013, 216 pp. (In Russian).
- Rudneva E. A., Troshchenkova E. V., 'Problema ponyatnosti yuridicheskikh dokumentov v kontekste professionalnoy identichnosti' [Problems of Understanding Legal Documents in the Context of Professional Identity], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023, no. 489, pp. 25–35. doi: 10.17223/15617793/489/3. (In Russian).
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G., 'A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation', *Language*, 1974, vol. 50, no. 4, part 1, pp. 696–735. doi: 10.2307/412243.
- Sarangi S., 'Rethinking Recontextualization in Professional Discourse: An Epilogue', *Text & Talk*, 1998, vol. 18, no. 2, pp. 301–318.
doi: 10.1515/text.1.1998.18.2.301.
- Schegloff E. A., *Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, vol. 1, XVI+300 pp.
- Schegloff E. A., Jefferson G., Sacks H., 'The Preference for Self-Correction in the Organization of Repair in Conversation', *Language*, 1977, vol. 53, no. 2, pp. 361–382. doi: 10.2307/413107.

- Streltsov A., 'Opredelenie statusa vnutriyazykovogo perevoda v XXI veke' [Intralingual Translation in the 21st Century: Determining the Status], *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*, 2021, vol. 40, no. 2, pp. 292–300. doi: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-292-300. (In Russian).
- Sukhikh S. A., 'Struktura kommunikantov v obshchenii' [The Structure of Communicants in Communication], Suslov I. P. (ed.), *Yazykovo obshchenie: protsessy i edinitsy* [Language Communication: Processes and Units]: A coll. of scientific papers. Kalinin: Kalinin State University Press, 1988, pp. 22–29. (In Russian).
- Tihanyi C., 'An Anthropology of Translation', *American Anthropologist*, 2004, vol. 106, no. 4, pp. 739–742. doi: 10.1525/aa.2004.106.4.739.
- van Dijk T. A., *Prejudice in Discourse: An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation*. Amsterdam: John Benjamins, 1984, X+172 pp.